2. Борисов В.В. Аббревиация и акронимия / В.В. Борисов. - М., 2013. - с.38, 124-143.
3. Котова О.Е. Структура и семантика англоязычного компьютерного жаргона. Тольятти, 2001.
4. Максимова Т.В. Новые слова современного английского языка // Лингводидактические проблемы межкультурной коммуникации – сборник научных статей. Волгоград, 2011.
5. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка. М., 2000.
6. <http://www.ivanoff.ru/rus/OZHWEB.htm>
7. <http://psynet.by.ru/texts/voysk6.htm>
8. <http://www.instagram.com>
9. <http://www.facebook.com>
10. <http://www.twitter.com>

Автобиографическая повесть в эвенской литературе: традиции и новации

*Кривошапкина И.В., соискатель,
Северо-Восточный федеральный университет,
г. Якутск
E-mail: iya.krivoshapkin@mail.ru*

*Научный руководитель:
д.филол.н., профессор Хазанкович Ю.Г.*

Автобиографические произведения фокусируют внимание на истории формирования и развития личности под влиянием социально-исторических явлений и процессов. Они неразрывно связаны с темой детства. Детство – это период становления полной социальной и психологической зрелости, становления ребенка полноправным членом общества. Но интерес к нему и попытки его исторического осмысления возникают на определенном этапе индивидуального и социального развития. Автобиография – это всегда ретроспективные размышления о времени и о себе. Характерная для русской автобиографической прозы черта – осознать свой частный опыт с точки зрения важности его для других. Автор осмысливает собственную судьбу в контексте исторических изменений в жизни страны. На идейно-концептуальном уровне для автобиографических произведений важны такие понятия, как «время», «эпоха», «век». Здесь личное биографическое время соотнесено со временем историческим. Носителем авторской концепции времени является автор-повествователь. Он находится в ином хронотопе, нежели герой-повествователь, следовательно, ему доступно обобщение событий, ему известен «конец истории», что дает возможность заглянуть в будущее, осмыслить причины и последствия произошедшего с ним. Именно автору-повествователю принадлежит взгляд на свою судьбу как на судьбу народа, часть общей истории.

Интересно увидеть отражение этих взглядов в автобиографических повестях первого эвенского писателя Н. Тарабукина и первой эвенской женщины-писателя М. Амамич, творческий временной разрыв между которыми около сорока лет. При общности жанровых особенностей (специфики героя, композиции, сюжета) их

произведения обладают идейными различиями в позициях авторов, что обусловлено изменением социально-исторического фона. Исследователи северной литературы (Б. Комановский, А. Пошатаева, В. Огорокова, С. Петрова, Ю. Хазанкович и др.) обращались к проблеме автобиографической прозы в эвенской литературе, но данный вопрос остается слабо изученным. Впервые в нашей статье повести Н. Тарабукина «Моя жизнь» и М. Амамич «Не провожайте с тоской улетающих птиц» исследуются в сравнительно-типологическом аспекте. Обращение к жанру автобиографической повести позволяет выявить культурно-эстетические особенности становления и развития этого жанра в диахронии на материале ярких образцов национальной прозы XX века.

Повесть Н. Тарабукина «Моя жизнь» появилась в конце 1930-х гг., когда в художественной культуре того периода начал входить в силу стиль соцреализма. Произведения должны были воспевать достижения нового строя, показывать его преимущества перед буржуазным, критикуя все недостатки последнего. Тема борьбы старой и новой жизни доминировала. Главным «внедрителем» соцреализма считается М. Горький, который многое внес в жанр автобиографической повести в духе новых требований к художественной культуре. И в повести Тарабукина мы видим многое из Горького: герой-сирота, мотив хождения в люди, идея самоутверждения личности, разрыв родовых связей. По Тарабукину, до переломного момента (победы революции и установления советской власти) в истории эвенского народа было только выживание, но не жизнь, поэтому его настоящая история начинается как бы именно с этих переломных событий. В повести заметен яркий гуманистический пафос: на первый план выходит идея освобожденного человека (его самооценности), получившего право и возможность развиваться, ставшего активным участником текущих процессов современности. Здесь подчеркивается роль усовершенствованного социума: все ради роста человека. Повесть состоит из двух частей: «Мое детство» и «Я становлюсь большим». В первой части повести – описание личного взросления (от естественного человека в природе – ребенка-птички, к осознанию себя как элемента общества, раннее понимание его несправедливости); во второй части – адаптация героя в этом старом дисгармоничном обществе с последующим вступлением в большой обновленный мир. Нет сожалений о несчастном историческом прошлом. Повесть рассказывает, как в результате социальных изменений разрушаются родовые отношения и укрепляются новые социальные связи: мальчик, потерявший родителей, становится «сыном исполкома». «Народное» растворяется в нации. Таково вынужденное и безоглядное движение из микромира в макромир из-за невозможности жизни в опустошенном микромире (сиротство). Отсюда утверждение личной свободы: личность, не обремененная родовыми связями, но поддерживаемая крупной общностью, чувствует эйфорию от полета – отрыва от земли и от истоков.

Другое отношение к прошлому и к месту человека в мире мы видим у М. Амамич в ее повести «Не провожайте с тоской улетающих птиц» (конец 1970-х гг.). Здесь народная жизнь представлена до и после перелома как непрерывное историческое движение. Соответственно, произведение Амамич формально не разделено, но также, как повесть Тарабукина, состоит из двух неразрывных частей, имеющих, однако, иное содержание, чем у предшественника: в первой части дается экскурс в историческое прошлое, отраженное в *фольклоре*; во второй части изображается «новейшая история». Героиня растет без матери, но не является круглой сиротой, поэтому в ней сохранена сильная родовая связь. Человек представлен не как

индивидуум, а как родовое существо: как член семьи, рода, как частица своей земли. В образе автора чувствуется трагическое раздвоение: с одной стороны, она понимает неминуемость расставания с уходящей в прошлое родной средой, но, с другой стороны, ее тяготят сожаление и боль от этого разрыва. В повести заметны элегическое настроение, ностальгия по прошлому.

Произведение М. Амамич «Не провожайте с тоской улетающих птиц», впервые вышедшая в 1977 г. (в русском варианте), в проблемном и эстетическом отношении обнаруживает близость с наиболее сильным литературным направлением отечественной литературы того периода – так называемой, «деревенской прозой». Это значительное, духовно и эстетически действенное тематическое направление в литературе 60х – нач. 80х гг., осмысляющее драматическую судьбу крестьянства, русской деревни в XX в., отмеченное обостренным вниманием к вопросам традиции, народной нравственности, к взаимоотношениям человека и природы (В. Белов, В. Шукшин, В. Распутин, В. Астафьев и др.). В этот период д. п. перерастает в прозу *онтологическую* с общечеловеческим масштабом проблематики, в литературу философско-этического плана. Повесть Амамич – это попытка восстановить прошлое и связать его с настоящим, в которой ощущается болезненное осознание того, что прошлое сохранить невозможно. Тоска по прошлому – тоска по своим корням. Это основной пафос деревенской прозы: желание сохранить народный уклад, традиции, культуру, человеческие нормы нравственности. Все эти ценности в деревенской прозе выражает архетипический образ мудрого старика/старухи, который в повести Амамич воплощен в образе бабушки Дюдя. Недаром у этой героини говорящее имя, состоящее из двух эвенских слов: «дю» - дом, «дя» - родня. Это хранительница дома и рода. Это тот тип героя, который становится основным морально-этическим эталоном, так называемый, герой-«праведник» – хранитель традиций. В деревенской прозе можно встретить целую галерею таких образов: Екатерина Петровна из «Последнего поклона» Астафьева, Катерина из «Привычного дела» Белова, Арсентьевна из «Родных» Лихоносова, герои первого сборника Шукшина - «Сельские жители», старухи Анна из «Последнего срока» и Матрена из «Прощания с Матерой» В. Распутина. Эти образы также воплощают архетип матери-земли и связаны с архетипом Деревни, главными элементами-мифологемами которого являются идеалы «дом» и «лад». Лад – это порядок, стройность быта, правильный уклад семейной и общественной жизни, гармония с миром. Понятие «дом» в деревенской прозе объединяет предметные опоры человека: деревенская изба, двор, родная округа; на обобщенном символическом уровне: дом – это родина, Россия. В случае с эвенской традицией, в которой до сих пор бытуют культы предков, огня и матери-земли, это понятие, наряду с широким смыслом Родина, имеет значения «семья», «родной очаг», «родовая земля».

Как видим, эвенские писатели-«первопроходцы», придерживаясь преемственности традиций, при этом развивали этническую прозу в соответствии с актуальными литературными тенденциями, умея отразить в своих произведениях современную им эпоху не только в смене исторического, но и культурно-эстетического облика. На примере автобиографических повестей Н. Тарабукина и М. Амамич можно наблюдать развитие эвенской литературы от соцреализма к онтологической прозе, в ходе которого кардинально менялись концепция человека и отношение к прошлому народа. Воспевание свободного от своих корней героя «без рода и племени» («сын исполкома» в повести Н. Тарабукина) сменяется живым интересом к человеку как к носителю народного, этнического (героиня М. Амамич).

Список литературы:

1. Комановский Б.Л. Пути развития литератур народов Севера и Дальнего Востока СССР [Текст] / Б.Л. Комановский; [послесл. М.Н. Пархоменко, д-ра филол. наук]. – Магадан: Кн. изд-во, 1977. – 198 с.
2. Огорокова В.Б. Развитие прозы в литературах народов Севера Якутии [Текст] / В.Б. Огорокова // Литература народов Севера Якутии: сб. науч. тр. – Якутск: ЯНЦ СО АН СССР. – 1990. – С. 7-32.
3. Петрова С.М. Эвенская литература в школах РС(Я): учеб. хрестоматия / С. М. Петрова. – СПб.: отд-ние изд-ва «Просвещение», 1994. – 175 с.
4. Пошатаева А.В. Литературы народов Севера: истоки автобиографического повествования [Текст] / А.В. Пошатаева // Нация. Личность. Литература: сб. науч. тр. – М., 2003. – С. 116-144.

Особенности понимания политической карикатуры о «Транстихоокеанском партнерстве» на японском и английском языках

*Лебедева А.Ю., студентка,
Северо-Восточный федеральный университет,
г. Якутск,
E-mail: Lebanechka@gmail.com, alexas6@yandex.ru*

*Научный руководитель:
старший преподаватель Иванова А.В.*

В данном исследовании изучаются особенности понимания политической карикатуры о транстихоокеанском партнерстве на японском и английском языках. Тема транстихоокеанского партнерства в последнее время является одной из самых обсуждаемых новостей во всем мире, потому что этот проект помогает странам решать широкий круг проблем из самых разных сфер жизни.

У карикатуры много различных функций, такие как сатирическая, информативная, воспитательная и прочие. С помощью этих функций реципиенты могут понять комический момент карикатуры, получить новую информацию или даже получить психологическую разрядку. Но чтобы интерпретировать смысл, скрытый в карикатуре, реципиенту необходимо обладать пресуппозициями, то есть фоновыми знаниями. Хотя, даже и это не дает гарантий, что реципиент сможет уловить юмор иностранной карикатуры, так как есть некоторые культурологические и языковые и т.д. помехи [2, стр. 315-316]. Существуют несколько уровней понимания карикатуры: 1) адекватное понимание; 2) частичное понимание; 3) неадекватное понимание; 4) полное понимание [1, стр. 198].

Сейчас очень актуальны политические карикатуры, так как любой человек может выразить свое отношение к тому или иному политическому деятелю или событию в мире, изобразив это в комичном свете. Но авторское начало находится только в комбинировании невербального и вербального частей, то есть каким образом автор изобразил эту ситуацию, а проблема, изображенная в карикатуре и отношение к ней — это общее мышление всего населения.